

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р60

Родзянко, Михаил Владимирович.

Р60 Дума против Николая II. За что нас хотели повесить / Михаил Родзянко. — Москва : Алгоритм, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-906979-99-5

Михаил Владимирович Родзянко был председателем Государственной Думы третьего и четвертого созывов (с 1907 по 1917 год). Николай II именно его обвинял в крушении монархии, а императрица Александра Федоровна предлагала «повесить Родзянко» наряду с другими депутатами Думы.

В своих воспоминаниях Родзянко рассказывает, почему он добивался отречения царя, в чем причины конфликта Думы с Николаем II и Александрой Федоровной, с рядом царских министров, как произошла Февральская революция и почему не удалось сохранить монархию в России. Конечно, его воспоминания во многом пристрастны, но в то же время содержат множество уникальных фактов, которые были известны только председателю Государственной Думы.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906979-99-5

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Родзянко Михаил Владимирович

**ДУМА ПРОТИВ НИКОЛАЯ II
ЗА ЧТО НАС ХОТЕЛИ ПОВЕСИТЬ**

Редактор *О. Селин*
Художник *И. Хотич*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.09.2017.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-99-5

9 785906 979995 >

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Иванов.</i> Об авторе	7
Вместо предисловия	22
Часть 1. Мистицизм царицы и пророки с Запада. — Епископ Феофан и появление Распутина. — В чем сила его влияния на царицу. — Столкновение с Гермогеном и Илиодором и обер-прокурор синода Саблер	24
Часть 2. П.А. Столыпин о Распутине. — Инцидент с нянюшкой царских детей. — Опала петербургского митрополита Антония. — Запрос о Распутине в Г. Думе. — Разговор с вдовствующей императрицей о Распутине	44
Часть 3. Аудиенция по делу о Распутине. — Доклад о Распутине. — Документы о Распутине. — Разговор с царским духовником. — Отказ в аудиенции	59
Часть 4. Прием членов Думы и недовольство царя. — Последствия приема. — Бородинские торжества. — Выборная кампания в IV Думу	76
Часть 5. Торжество по случаю 300-летия дома Романовых. — Изгнание Распутина из собора	83
Часть 6. Интриги правых. — Бойкот Думы. — На открытии памятника Столыпину. — Епископ Агапит. — Предупреждения А.И. Гучкова	93
Часть 7. Аудиенция 22/XII 1913 г. — Спор о покупке дредноутов за границей. — Встреча эскадры адмирала Битти. — Гавань в Ганге	103
Часть 8. Объявление войны. — Непорядки в Красном Кресте. — На Варшавском вокзале. — Сапоги для армии и министр Н.А. Маклаков. — Государь во Львове	112
Часть 9. В Ставке после отступления. — Проект Особого совещания по обороне. — На съезде промышленников. — Николай II и Н. Маклаков. — Архангельский порт. — Великий князь Сергей Михайлович	132

Часть 10. Государь — верховный главнокомандующий. — Влияние императрицы усиливается. — Горемыкин распускает Думу. — Как был уволен А.Д. Самарин. — Путиловский завод. — Англичане и торговый флот	149
Часть 11. Забастовки. — Изобретатель Братолюбов и г-жа Брасова. — Письмо Горемыкину. — Фрейлина М.А. Васильчикова	163
Часть 12. Питирим и Штюмер. — Государь в Гос. Думе. — Гниущее мясо и недостаток продовольствия. — Приезд Вивиани и Тома. — На обеде у Штюмера. — Русская парламентская делегация. — Проект диктатуры	170
Часть 13. Штюмер-диктатор. — Гвардия на фронте. — Аэропланы из-за границы	194
Часть 14. Манасевич-Мануйлов и Хвостов-старший. — Протопопов — министр. — Условия председателя Думы. Королевич греческий. — Отказ в аудиенции. — У Штюмера	204
Часть 15. «Junge Zarin» в речи П.Н. Милюкова и последствия. — Штюмер и Протопопов требуют разгона Думы. — Марков 2-й устраивает скандал. — После убийства Распутина. — Спиритизм Протопопова	214
Часть 16. Развал тыла. — Генерал Крымов настаивает на перевороте. — Завтрак у великой княгини Марии Павловны. — Визит великого князя Михаила Александровича. — Аудиенции 7 января	231
Часть 17. Представители Антанты в Петрограде. — Полиция и пулеметы. Последняя аудиенция. — Аресты рабочих. — Согласие царя на ответственное министерство и неожиданный отъезд. — Оборвалось...	244
Примечания	251

Об авторе

Михаил Владимирович Родзянко родился 9 февраля 1859 года в Екатеринославской губернии в семье богатого малороссийского помещика, полковника гвардии. Окончив Пажеский корпус (1877), Михаил Родзянко в чине корнета был выпущен в один из самых привилегированных полков Русской Императорской гвардии Кавалергардский. Однако кавалергардская служба продолжалась недолго, уже в 1882 году поручик Родзянко вышел в запас гвардейской кавалерии (с 1885 г. в отставке «по домашним обстоятельствам»). Женившись на княжне А.Н. Голицыной, Родзянко решил нарушить семейную традицию (его отец и дед дослужились до генеральских чинов) и посвятить себя семейной жизни, ведению сельского хозяйства и участию в деятельности дворянских организаций. Как и многие видные представители русского дворянства, он состоял уездным предводителем дворянства (1886—1891), удостоился пожалования в камер-юнкеры (1892), а затем камергеры (1902); руководил работой Екатеринославской губернской земской управы (с 1900 г.) и к 1905 году получил чин «штатского генерала» действительного статского советника.

Занимаясь земской деятельностью, М.В. Родзянко сблизился с представителями либерально настроенного дворянства Д.Н. Шиповым и М.А. Стаховичем, став наравне с ними в революционном 1905 году одним из основателей умеренно-либеральной партии «Союза 17 октября». В отличие от левых либералов — кадетов, октябристы были поначалу значительно умереннее в своих требованиях и конфронтации с властью предпочитали сотрудничество с ней. Названная в честь царского Манифеста 17 октября, ознаменовавшего, по мнению октябристов, вступление России на путь конституционной монархии, партия, представ-

ленная преимущественно чиновниками, помещиками и крупной торгово-промышленной буржуазией, видела своей целью стать политическим «центром», борющимся как с реакцией, так и с революцией. Но со временем октябристы проделали заметный крен влево, солидаризовавшись с другими либеральными партиями.

Ринувшийся в «большую политику» М.В. Родзянко не был ни теоретиком, ни публицистом, ни ярким оратором (современники, как правило, отмечали слабость и банальность его речей). Это был прагматичный «барин», использовавший ресурс партии как для отстаивания интересов крупного бизнеса и землевладельцев, так и для саморекламы. В 1906 году Родзянко был избран членом Государственного совета от Екатеринославского земства, но в «верхней палате» не задержался, сложив с себя полномочия в связи с избранием в 1907 году в Государственную думу. Как справедливо отмечает историк И.Л. Архипов, «в Думе Родзянко звезд с неба не хватал, хотя и занимал ответственные позиции»: возглавлял думскую земельную комиссию, полностью поддерживавшую аграрную политику П.А. Столыпина; после того, как лидер октябристов А.И. Гучков был избран председателем III Думы возглавил бюро фракции; а после сложения Гучковым с себя председательских полномочий Родзянко в качестве компромиссной фигуры голосами октябристов и кадетов был избран председателем Думы (1911).

Избрание председателем III Государственной думы сделало М.В. Родзянко довольно популярной в обществе фигурой. Его внушительный грузный вид (сам Родзянко, представляясь наследнику, в шутку назвал себя «самым большим и толстым человеком в России»), громкий бас и бросающаяся в глаза многим самовлюбленность привели к появлению целого ряда прозвищ, отпускавшихся по адресу председателя Думы. С.Ю. Витте язвительно замечал, что «главное качество Родзянко заключалось не в его уме, а в голосе — у него был отличный бас».

Кадетский лидер П.Н. Милюков вспоминал: «Личность М.В. Родзянко на видном посту председателя Думы, незна-

чительная сама по себе, приобретает здесь неожиданный интерес. И прежде всего, естественно, возникает вопрос, как могло случиться, что это лицо, выдвижение которого символизировало низшую точку политической кривой Думы, могло сопровождать эту кривую до ее высшего взлета. М.В. Родзянко мог бы поистине повторить про себя русскую пословицу: без меня меня женили. Первое, что бросалось в глаза при его появлении на председательской трибуне, было его внушительная фигура и зычный голос. Но с этими чертами соединялось комическое впечатление, прилепившееся к новому избраннику. За раскаты голоса шутики сравнивали его с “барабаном”, а грузная фигура звала кличку “самовара”. За этими чертами скрывалось природное незлобие, и вспышки напускной важности, быстро потухавшие, дали повод приложить к этим моментам старинный стих: “Вскипел Бульон, потек во храм...” “Бульон”, конечно, с большой буквы Готфрид Бульонский, крестоносец второго похода».

При этом, добавлял Милюков, «в сущности, Михаил Владимирович был совсем недурным человеком. Его ранняя карьера гвардейского кавалериста воспитала в нем патриотические традиции, создала ему некоторую известность и связи в военных кругах; его материальное положение обеспечивало ему чувство независимости. Особым честолюбием он не страдал, ни к какой “политике” не имел отношения и не был способен на интригу. На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся и мог совершить любую gaffe (оплошность. — А.И.)».

А острый на язык В.М. Пуришкевич отозвался на избрание нового думского председателя ироничной эпиграммой:

Родзянко Думе не обуза,
Но, откровенно говоря,
Нам головой избрали пузо
Эмблему силы «октября».

(При этом и сам Пуришкевич отдал свой голос за Родзянко, написав на листке для голосования следующий экс-промт: «Хоть на лицо, хоть наизнанку / Переверни кругом Родзянку, / А как не бейся, хошь, не хошь, / Другого лучше не найдешь»).

* * *

Позиционируя себя как «убежденного монархиста», на практике Родзянко был гораздо бóльшим конституционалистом и парламентаристом. Не стремясь к революции, он ратовал за эволюционное изменение государственного строя, путем либеральных преобразований, выступая за конструктивное сотрудничество с властью, там, где оно возможно, и ответственную оппозицию, там, где этого требовали принципы его партии. Свое политическое кредо Родзянко сформулировал следующими словами: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года, укрепление основ которого должно составить первую и неотложную заботу русского народного представительства».

Пользуясь правом личного доклада Императору, Родзянко активно включился в борьбу с Г.Е. Распутиным, в котором видел чуть ли не главное «зло», губящее монархию. Уже после революции Родзянко продолжал утверждать, что «начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности царя роковым образом связаны с появлением при русском дворе и его влиянием на жизнь двора Григория Распутина». При этом Родзянко не понимал или не хотел понять, что своим активным участием в антираспутинской истерии он отнюдь не укреплял монархию, а наоборот, расшатывал ее. Не без пафоса Родзянко заявлял: «Мы, монархисты, больше не можем молчать».

Очень примечателен в этом плане разговор Родзянко с духовником царской семьи протоиереем Александром Васильевым, канонизированным ныне церковью. Учиты-

вая характер мемуаров Родзянко, есть серьезные причины сомневаться в том, что этот разговор происходил именно в такой форме, но важно не это. Куда интереснее в плане характеристики взглядов председателя Государственной думы его трактовка этого разговора:

«...Я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что императрица Александра Федоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце: “Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи”.

— Какая же его роль особенно по отношению к детям в царской семье?

— Он с детьми беседует о Боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы все знаете и из угодливости молчите, когда Бог дал вам власть как служителю алтаря открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов царя и России забросать грязью престол и церковь».

Пиком влияния Родзянко стало время Первой мировой войны. Олицетворяя собою народное представительство, он стал восприниматься как некий символ провозглашенного в 1914 году «священного единения». Однако единение парламента с властью оказалось недолгим, и вскоре сам Родзянко активно включился в политическую борьбу, заняв в ней сторону либеральной оппозиции. Он критиковал решение императора стать Верховного главнокомандующим, требовал отставки консервативно настроенных министров: В.А. Сухомлинова, Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова, обер-прокурора В.К. Саблера и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина; участвовал в

создании Прогрессивного блока, став одним из его лидеров. Как вспоминал В.В. Шульгин, «монументальный Михаил Владимирович Родзянко, самой природой предназначенный для сокрушения министерских джунглей, <...> несет свой авторитет председателя Государственной думы с неподражаемым весом. <...> “Цукать” министров с некоторого времени сделалось его потребностью». При этом особы Императора Родзянко все же требовал от оппозиции в своих напаках не касаться. «Открыто <...> в своих речах в Думе — мы бранили министров... При этой травле, однако, не переходили конституционной грани и не затрагивали монарха... Это было основное требование Родзянко», — утверждал тот же Шульгин.

Вместе с тем, играя роль посредника между Думой и монархом, Родзянко уговаривал императора не слушать правых и ни в коем случае не учреждать диктатуры. «Спасать» страну от революции Родзянко предлагал государю по следующему рецепту: «...Дайте ответственное [перед Думой] министерство. Вы только расширите права, которые вы уже дали конституцией, но власть ваша останется неизменной. Только ответственность будет лежать не на вас, а на правительстве...»

«Без него (т.е. Родзянко. — А.И.) не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество, ни одна правительственная манифестация, — вспоминал В.Б. Лопухин. — Вернее, он не мог, не считал себя вправе их обходить. Везде тут как тут. Всюду внедрялся. Председатель Государственной думы, “выразитель народной воли”, второе лицо в России после царя, каким Родзянко мнил себя и пытался поставить, считая, что и по интеллектуальным своим качествам, помимо всего прочего, он на голову выше всех своих современников. Такова была мания человека, никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного. Никогда не приходилось слышать, чтобы где-либо существовал другой такой

беспокойный председатель законодательной палаты. Резвостью и распространенностью он превосходил севильского Фигаро. И всех-то поучал: и министров, и царя, и царицу со тщетностью, не уступавшею назойливости. Смешною, а когда затянется, и скучною была болтовня Родзянко, псевдопатриотическая, неумело снабжавшаяся шаблонными эффектами дикции и жестов. Большое участие в его речах, произносившихся с модуляциями голоса сказателя древних былин, принимал указательный перст думского председателя. Он подчеркивал устремлением вверх важность выдвигавшихся моментов. <...> Да, всех Родзянко поучал. Одного себя поучить упустил из виду».

Как отмечал П.Н. Милюков, «председатель Думы со своей стороны не переставал докучать царю своими докладами о тяжелом положении внутри страны и на фронте. Царь его не любил; Маклаков ненавидел. Но по своему положению Родзянко выдвигался на первый план в роли рупора Думы и общественного мнения. "Напыщенный и неумный", говорил про него Маклаков. "Напыщенным" Родзянко не был; он просто и честно играл свою роль. Но мы его знаем: он "вскипал", надувался сознанием своей великой миссии и "тек во храм". "Неумен" он был; в своих докладах, как в своих воспоминаниях, он упрощал и утрировал положение вероятно, и под влиянием Гучкова. Паникерство было ему свойственно».

* * *

Родзянко был посвящен в заговор, зревший против Николая II. Рассказывая в своих мемуарах о прозвучавшем в 1916 году у него на квартире призыве генерала А.М. Крымова к государственному перевороту и одобрительной реакции некоторых думских депутатов, Родзянко утверждал, что сам он поспешил возразить на это следующими словами: «Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальни-

ков, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, а не насилием...»

Однако, во-первых, словам этим, написанным в эмиграции, когда итог революции был уже у всех перед глазами, и поправевшая эмиграция искала виновников крушения привычного мира, есть основания не доверять. А во-вторых, даже если допустить, что Родзянко не выгораживает себя и не лукавит, назвать его слова «верноподданническими» нет никакой возможности: о заговоре, обсуждавшемся у него на квартире, он царя в известность, естественно, не поставил, да и саму идею переворота, как видим, не отметал, предлагая лишь не втягивать в это его, но позволяя действовать военачальникам.

Показателен в этом плане и другой фрагмент воспоминаний Родзянко. Когда великая княгиня Мария Павловна заявила ему о том, что императрицу надо уничтожить, председатель Думы якобы ответил ей так: «Ваше высочество, <...> позвольте мне считать этот наш разговор не бывшим, потому что если вы обратились ко мне как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к государю императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу...».

«Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года, — свидетельствует Родзянко. — Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию. После убийства Распутина разговоры об этом стали еще более настойчивыми. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот, и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен». Правда, утверждал далее председатель Думы, его такие разговоры «приводили в негодование», поскольку он был против того, чтобы «впутывать Думу в неизбежную смуту»

и подчеркивал: «Дворцовые перевороты не дело законодательных палат». Впрочем, позже, в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Родзянко не без гордости сообщит: «мой кабинет это был фокус всех новостей и отчасти сплетен. Я все знал, что говорилось; но многое мне приходилось в одно ухо впускать, в другое выпускать».

В Государственной думе Родзянко вел себя все более пристрастно, покровительствуя либеральной и левой оппозиции и обрывая речи правых, протестовавших против «штурма власти». В частных разговорах он позволял себе достаточно резкие заявления: «Правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и к позору, отдают нас в руки Германии». И делал вывод, как спасти страну от революции: «...Это достижимо только при условии удаления царицы. (...) Пока она у власти мы будем идти к гибели».

В свою очередь, императрица с 1916 года в письмах к супругу называет Родзянко «мерзким», «гадиной», «ужасным человеком». 17 сентября 1916 года императрица напишет: «Как я хотела бы, чтоб Родзянко повесили — ужасный человек и такой нахал». Это не помешало Родзянко заявить Николаю II: «Не заставляйте, ваше величество, (...) чтобы народ выбирал между вами и благом родины», а затем, на заданный царем вопрос: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..», Родзянко выпалил: «Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути».

Неслучайно в глазах общества Родзянко превращался в героя. В конце 1916 года, после инцидента с правым депутатом Н.Е. Марковым, назвавшим председателя Думы за лишение его слова «мерзавцем», обиженный Родзянко оказался в ореоле славы. К нему шли огромным потоком со всех концов России приветствия и трогательные телеграммы. Как замечала одна из газет, Родзянко все поздравляли, приветствовали, соболезновали и «по телеграфу поцеловать пробовали». Кабинет председателя Думы был за-

ставлен цветами, незнакомые ему дамы и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворения. Вся «мыслящая Россия» выражала ему свое сочувствие и осуждала черносотенного оратора, осмелившегося оскорбить главу народного представительства.

А 1 января 1917 года во время новогоднего приема в Зимнем дворце Родзянко позволил себе выпад по адресу министра внутренних дел А.Д. Протопопова, которому демонстративно отказался подать руку со словами: «Оставьте меня. Вы мне гадки!» Этот поступок еще больше укрепил репутацию Родзянко как бескомпромиссного политика и патриота.

* * *

В событиях февраля 1917 года М.В. Родзянко довелось сыграть одну из главных ролей. Привыкший играть роль посредника между царем и «общественностью», председатель Думы постоянно поддерживал связь со Ставкой, убеждая Николая II для успокоения взбунтовавшегося Петрограда поскорее назначить главой правительства лицо, «пользующееся доверием страны». Но Николай поступил иначе, издав 26 февраля указ о приостановке работы Государственной думы; тогда думцы продолжили частные совещания.

Родзянко не знал что делать. Описывая его поведение в февральские дни, Шульгин писал: «Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт? "Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. Но, с другой стороны, ведь правительства нет. Ко мне рвутся со всех сторон... Все телефоны обрывают. Спрашивают, что делать? как же быть? Отойти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Ведь это Россия же, наконец!.. Есть же у нас долг перед родиной?.. Как же быть? Как же быть?" — спрашивал он и у меня. Я ответил совершен-

но неожиданно для самого себя, совершенно решительно: «Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный... Берите, потому что держава Российская не может быть без власти... И если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить...»»

Этот довод убедил Родзянко и 27 февраля он возглавил Временный комитет Государственной думы (ВКГД). «Всю ночь провели мы за обсуждениями и спорами в кабинете председателя Думы, подвергая тщательному рассмотрению все поступающие новости и слухи, — вспоминал А.Ф. Керенский. — Создание незадолго перед тем Совета было расценено как критическое событие, ибо возникла угроза, что в случае, если мы немедленно не сформируем Временное правительство, Совет провозгласит себя верховной властью России. Долше всех колебался Родзянко. Однако, в конце концов, около полуночи он объявил о своем решении принять пост председателя Временного комитета, который отныне, вплоть до создания Временного правительства, берет на себя верховную власть».

На следующий день Родзянко, находясь в Таврическом дворце, приветствовал полки Петроградского гарнизона, перешедшие на сторону революции. «Михаил Владимирович очень приспособлен для этих выходов, — вспоминал этот день Шульгин, — и фигура, и голос, и апломб, и горячность... При всех его недостатках он любит Россию и делает что может, т.е. кричит изо всех сил, чтобы защищали Родину...»

М.В. Родзянко поддерживали генералы Н.В. Рузский и М.В. Алексеев, убеждавшие царя поручить председателю Думы формирования министерства, «из лиц, пользующихся доверием всей России», и 2 марта Николай II уступил, издав соответствующий Манифест. Но этого революционной Думе было уже мало. 2 марта Родзянко заявил Рузскому, что «ненависть к династии дошла до крайних пределов, (...) и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием... (...) К сожалению, Манифест запо-